

затвор с искусственным осеменением

спектакль Анук ван Дайк в России

На спектаклях в Москве танцоры из труппы Анук ван Дайк показали пример российским партнерам Фотограф: Иван Корнеев

Газета — 2004 — 2 авг. — с. 11
ЛЕЙЛА ГУЧМАЗОВА

Голландский хореограф Анук ван Дайк в России не чужая. С тем немногим, что у нас есть хорошего в сфере contemporary dance, она так или иначе общалась: в «Провинциальных танцах» ставила дуэт Am I Out, с танцовщиками, которые вьются вокруг Саши Пепеляева, проводила мастер-классы. И не то чтобы Анук в доску своя вроде ее соотечественника Аата Хуге, надолго осевшего в Челябинске, но больше, чем заезжая гастролерша. Поводом для ее нынешнего приезда в Москву стали классы международной Летней школы танца, которую проводит Объединение российских театров танца «Цех» во главе все с тем же Пепеляевым.

Анук ван Дайк приехала сама и привезла двух танцовщиков из своей компании Apoukvandijk dc — Михаэля Ягоду и Нину Вольны. Для того чтобы, во-первых, мало-мальски познакомить русских со своей оригинальной техникой counterstrike и, во-вторых, во время мастер-классов разработать свой проект Stau. Желание выпускницы Роттердамской академии танца делать спектакль-лабораторию изначально не совпадало со скромными возможностями учеников Летней школы. Уровень был равномерно серым.

Собственно, Stau — это пробка, затвор или перемена направления в движении морских волн. Этим термином Анук обозначила танцевальное исследование о дистанции в людских отношениях. Принято считать, что южанин при общении приближается к собесед-

нику, а северянин инстинктивно отодвигается, и игра на этой разнице между культурами может оказаться интересной. Но Анук с самого начала подозревала, что ныне эта разница не столь существенна. Уйдя от географии, хореограф исследует офис (дистанцию общения между топ-менеджером и клерком) и вагон метро, где все друг другу равно приятели и потенциальные враги. Первую часть с артистами своей труппы она показывала в январе в Амстердаме, вторую, усиленную дуэтом Вольны — Ягода, — в минувший четверг в Москве, третья скоро появится в Базеле.

Вольны и Ягода начали с обнюхивания друг друга, как полагается живым существам. Тактильное знакомство отменили, занявшись бесконтактной импровизацией. Ожили рудиментарные цирковые корни contempo-

rary dance: Вольны показала эволюцию женщины-паука в девушку-червяка и, двигаясь на спине, проползла между ног интеллигентно замершей в первом ряду дамы, после чего плохо знакомые с contemporary dance критики ретировались в третий ряд. Соло Ягоды строилось на той же границе между человеческим и звериным, и после силовых растяжек он заглядывал зрителям в глаза.

Когда нужный градус провокативности был достигнут, на сцену обрушились двадцать восемь новых русских учеников Анук ван Дайк — с напряженными дуэтными подержками, толкотней и прыготней, запахом школьного физкультурного зала, с заученными импровизациями на заданную тему. Явно придуманное Анук коллективное валяние на полу, которое должно было походить на массовое моление или на флэш-моб, у них казалось ожившим паркетом, плотно уложенным по диагонали. Исследуя способность артиста к «публичной интимности», голландцы разделись. Русские робко путались в белье, и им было донельзя совестно, потому как не знали, ради чего, собственно, терпят столько срама. Потом они делали нарочито отрешенный взгляд и изображали бесстрастность: еще чуть-чуть — и рассказали бы о «кризисе духовности в западном мире» языком советских клише.

Коль скоро Анук ван Дайк разбиралась с человеческой коммуникабельностью, то лучший результат для Stau трудно было представить.